

Вырезка из газеты

ТРУД

18 ИЮЛ 1976

г. Москва

У ТЕАТРА на Садово-Самотечной в Москве довольно прозаическое название: Центральный театр кукол. Но так его никто не называет. «Мы идем сегодня к Образцову», — говорят счастливые обладатели билетов на «Необыкновенный концерт», «Дон Жуан-76», «Божественную комедию» и многие другие спектакли.

несторонний человек: художник (живописный и графический факультет ВХУТЕМАСа), актер (музыкальная студия МХАТа и МХАТ 2-й), кукольник [директор и главный режиссер театра, эстрадный артист], писатель, кинематографист, общественный деятель.

На днях Сергею Владимировичу Образцову исполнилось 75 лет.

— Сергей Владимирович, если вы не возражаете, мы начнем разговор с вопроса о том, какие задачи стоят сейчас перед кукольным театром?

— Задача всякого искусства — ставить проблемы современности. Значит, и кукольный театр должен иметь перед собой такую задачу. Я не люблю искусство (будь то живопись, литература, поэзия), которое не пытается решать современные проблемы. Я не люблю традиционное искусство и считаю, что традиция — это могила идей, а служить на кладбище мне не интересно. Я завидую первой постановке «Чайки» и «Вишневого сада». А еще я завидую всем тем явлениям искусства, которые становились не только театральными или литературными событиями, а событиями общественными. Такими, какими были когда-то толстовские «Анна Каренина» и «Крейцерова соната», романы Тургенева или романы Достоевского, или такие спектакли, как «Дни Турбиных», «На дне», или такие фильмы, как «Броненосец «Потемкин», «Чапаев». Вот этому я завидую.

Так что проблемы, поднимаемые кукольным театром, ничем не отличаются от проблем искусства вообще. Только средства их решения — другие.

— В 1938 году вы написали свою первую книгу «Антер с куклой» — о проблемах кукольного театра. Шли годы. Ни вы, ни театр не стояли на месте. И в новых своих книгах вы отказывались порой от того, что утверждали раньше. Постоянная работа, вероятно, и давала повод по-новому взглянуть на вещи, назвавшиеся прежде безусловными...

— Да, теперь я во многом не согласен со своей первой книгой. Например, я писал там, что научная фантастика может быть сыграна в кукольном театре. С моей сегодняшней точки зрения, она не может быть поставлена в театре кукол.

Научная фантастика не метафорична. Она якобы документальна. Герои научно-фантастических произведений, события и ситуации должны быть если не реальны, то обязательно возможны, сфантазированы на научной основе. А кукольный театр — прежде всего метафора. В научной фантастике ведь не может быть лешего или привидения. Так что она к нам никакого отношения не имеет.

Хотя, например, «Мистерия-буфф» Маяковского, написанная в жанре фантастики, несмотря на это, как раз принадлежит к метафорическому искусству, которое в ведении кукольного театра.

Метафорическое искусство существовало во все времена и периоды истории человечества. Ну, прежде всего, оно обслуживало все религии мира, потому что без метафоры ни одна религия не может обойтись. Метафора — основа басни, сказки. Весь Маяковский метафоричен, сказки Пушкина и сказки Салтыкова-Щедрина метафоричны. «Нос» и «Портрет» Гоголя — метафоры. Вот это все — кукольный театр. Конечно, метафоричны могут быть и не куклы — даже актеры в «человеческом» театре. Но тогда они употребляют маски или играют маски.

— Ваш театр отличается от других еще и тем, что начинается не с вешалки, как принято считать, а с часов, на которые люди приходят смотреть просто так, даже не имея билета на спектакль. Ваш театр продолжается в фойе, в музее, в живом уголке, среди старинной мебели, на которой вы разрешаете всем сидеть. Я помню, один зритель сказал: «Образцов разрешает сидеть на антиварных диванах!»...

— Мне кажется правильным, что наши зрители встречаются с часами, — с чудом оживающего предмета (а кукла — это оживший предмет) — раньше, чем входят в театр. Мне кажется абсолютно правильным, что они попадают в современный дом, а не в стилизованный под что-нибудь, и в этом современном доме стоит красивая мебель девятнадцатого и даже восемнадцатого веков, потому что именно в современном, а не в стилизованном доме она превращается в некую драгоценность. Осознают это дети или не осознают, но они

попадают в непривычную атмосферу и видят уж совсем непривычную мебель, и эта непривычность — уже хорошо.

Дальше они встречаются с рыбами и птицами... Мое глубокое убеждение: понимать искусство без любви к природе и животным вообще нельзя. Любовь к природе и животным воспитывает у человека ассоциативную фантазию, и если человеку все равно, какой формы облако, или его не удивляет цвет лягушки-квакши, или цвет иволги — золотой с черными крыльями, — если он

убьет щенка и нанесет травму мальчику, но тем более тот будет любить щенка. А его отец, видимо, человек ограниченный, наверное, никогда не читавший ни Тургенева, ни Чехова, мимо него прошли большие книги, большие идеи и мысли тех людей, которые понимают, что человек живет не на пустынной поверхности Луны или Марса, а живет в среде — не только человеческой, но и животной, и растительной. И если человек эту среду не ощущает частью себя самого, ему жить холодно и бессмысленно.

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

СЕРГЕЙ ОБРАЗЦОВ

не умеет отличать дуб от ясеня, то этот человек лишен ассоциативной фантазии, лишен умения удивляться, радоваться окружающему. А если он этого лишен, то никакой гид в картинной галерее не сможет объяснить ему прелесть Рембрандта или Ренуара. Поэтому, я думаю, правильно, что дети (да и взрослые) проводят пятнадцать, двадцать, тридцать минут до спектакля вот в таком помещении, где есть и рыбы, и птицы, и кукольный музей, и красивая мебель.

Если они это воспринимают, то, когда входят в зрительный зал, что-то их уже отделяет от прозы бытия и подготовило к восприятию произведения искусства.

— Каким вы видите будущее кукольного театра?

— Кукольный театр сейчас на подъеме. Причина этого подъема, вероятно, состоит в следующем. В искусстве зрелищ основным приемом сейчас является фактицизм. Например, в «человеческом» театре часто не гримируются, не надевают парика, употребляют не бутафорию, а реквизит. Фактицизм стал основным приемом зрелищного искусства в обычном театре, где актер — человек. Куклы же антифактичны. Значит, наш театр как бы антитеза, и как антитеза — он необходим. Мне кажется, что у кукольного театра большое будущее, потому что афористическое искусство, инскапозальное искусство владеет двумя очень серьезными полюсами: полюсом сатиры и полюсом романтической героики. Оба полюса нужны потому, что человек должен смеяться и должен мечтать. Если он не смеется и не мечтает — он жить не может.

— Сергей Владимирович, вы человек, принадлежащий не только театру, вас волнуют и проблемы, порой весьма далекие от зрелищного искусства. Причем волнуют не как любителя, а как специалиста. Поэтому, если вы не возражаете, мы отойдем от главной темы разговора и поговорим о проблемах духовного, нравственного воспитания подрастающего поколения. Конкретно — о воспитании в молодом человеке любви к животному миру. Ведь существуют люди, которые вольно или невольно, но воспитывают в своих детях ненависть к животным...

— Есть такое выражение: «Дети, будьте осторожны в выборе своих родителей». К сожалению, людей, которые не имеют права быть родителями, больше, чем нужно. И я могу себе представить многих людей, про которых можно сказать: «Страшно подумать, какие у них будут дети!» Единственное утешение, что не только родители детей воспитывают. Воспитывает детей среда. И стоит появиться во дворе щенку, как мальчишка влюбляется в него вне зависимости от того, что говорит его папа. Другой разговор, что, может быть, этот папа

Безжалостность, кстати, тоже воспитывается. Если мальчик, положив, любит щипать свою сестру, когда мать не видит, то есть любит доставлять боль человеку втайне от взрослых, то это начало воспитания безжалостности. У меня четыре тысячи писем от зрителей, посмотревших мой фильм «Кому он нужен, этот Васяка?», так что я вам примеров безжалостности могу привести много. Но я надеюсь, что все-таки сейчас есть какой-то сдвиг... И все же нужно ввести строгое наказание за издевательство над животными и за убийство животных.

Надо воспитывать детей с малых лет, отбивая охоту к нарушениям даже маленьких правил общечеловеческого, тогда не будет нарушений больших.

— Сергей Владимирович, еще одна проблема, которая вас, вероятно, не может не волновать: мода на бранные словечки.

— Меня сейчас волнует больше не брань. Она существует и всегда существовала, может быть, даже немножко уменьшилась, хотя люди действительно иногда шикуют бранными словечками — в том числе интеллигентные люди. Мол, вот какой я простой человек, истинно русский. Это дурное кокетство, дрянь. Но меня гораздо больше волнует не это, а чрезвычайно распространенное сейчас обращение — «ты». Начальник говорит подчиненному «ты». А этот подчиненный говорит своему подчиненному «ты». Этот подчиненный тоже говорит другим «ты». Замыкается эстафета где-то на дворнике или на шофере, которому даже сын начальника говорит «Миша — ты», хотя Мише уже за сорок, а то и за пятьдесят. Странная манера! Когда люди говорят друг другу «ты», меня несколько не волнует, пусть говорят, если они дружны. Но если человек только потому, что другой стоит ниже на лестнице подчинения или младше по возрасту, говорит ему «ты» — это возмутительно.

— А теперь, если позволите, несколько традиционных репортерских вопросов. Как проходит ваш день?

— Утром я в театре: либо репетиция, либо совещание — в театре всегда много дел. Вот, к примеру, завтра в 11.30 совещание с художником и режиссером по поводу новой постановки «Трех толстяков». Затем я пойду домой писать книжку — вторую часть «Моей профессии».

Вот этому будет посвящен вечер. Конечно, я должен читать еще письма и нужно отвечать на письма.

— Ваши планы в театре?

— Ставлю «Трех толстяков». Премьера будет, вероятно, в декабре. В сентябре театр едет на гастроли в Швейцарию.

Интервью вел
С. ПАРХОМОВСКИЙ.